

322	0262	ОЛЕГ ХЛЕБНИКОВ	"Стояние в очередях"
-----	------	----------------	----------------------

"Стояние в очередях" (Коренблит – Хлебников О.)

1. Место жительства	– 1.15
2. Застолье	– 1.18
3. Баллада о своем	– 2.05
4. Последнее лето	– 2.03
5. Ностальгия по семидесятым	– 2.14
6. Стояние в очередях	– 2.11
7. Матрешки	– 2.23
8. Баллада о хозяйках	– 1.27
9. Ода женщинам	– 2.20
10. Вот и жить бы	– 1.39
11. Двоешники	– 0.54
12. Крайний	– 1.39
13. Долголетний прохожий	– 1.25
14. Песочные часы	– 2.26
15. Я ненадолго расстаюсь	– 1.11
16. Сжег единственный угол	– 1.26
17. Мотылек	– 1.20
18. Город мой	– 1.46
19. Я виноват	– 1.58
20. Сам себе	– 1.09
21. Молитва	– 1.40
22. Ночь	– 1.13
23. Слушайте меня	– 2.05
24. Сам с собой	– 1.23
25. Вот и еще один	– 1.21
26. Не умрём	– 1.55
<i>Общее время звучания – 43.46</i>	

СОДЕРЖАНИЕ

1. МЕСТО ЖИТЕЛЬСТВА

Помню, как все покупалось,
ставилось, переставлялось.
Помню, как все доставалось –
полным вложением сил:
стулья, шкафы, холодильник,
стол, телевизор, светильник...
Сам ничего не купил.

Все, что однажды в машине,
в кузове стоя, везли,
так и стоит – в середине
жизни моей и земли.

Господи! Лет еще двадцать
так и должно оставаться –
длить и отмеривать срок
жизни, сумевшей ужиться...
Сам ни единой вещицей
в стены вцепиться не смог.

2. ЗАСТОЛЬЕ

Было все только стужей и тьмою
за сияющим кругом стола.
Если кто-то вставал – бахромою
накрывала его полумгла,

если делал хоть шаг из круга,
начинали его поминать,
и среди не забывших друг друга
он потом появлялся опять.

Не поверю, что не увижу! —
всех, кто рядом сидел за столом
зимним вечером, к полночи ближе,
в шестьдесят, пятьдесят ли втором, —

когда был я и не был с ними,
и еще не пришел черед
то с одними водить, то с другими
этот медленный хоровод.

3. БАЛЛАДА О СВОЕМ

Мир делился на чужое и свое,
своего намного больше было в нем:
дом и дворик, и домашнее зверье,
даже облако над крышей и двором.

Вся родня была своя – ходила к нам,
и встречали мы ее своей стряпней.
А чужие жили где-то по краям
гулкой сферы, переполненной родней.

Но скользила эта сфера по оси
и по бревнышку теряла на лету
старый сруб – такой обычный на Руси:
голубь сизый да наличники в цвету.

А внутри переносили хуже нет
с каждой новою весной такой полёт.
Только, встав из-за стола, качнулся дед –
вот уж бабушка с постели не встаёт.

И все меньше оставалось своего,
и нездешним потянуло от стены.
И на собственную жизнь и естество,
вырастая, я смотрел со стороны.

Да, как будто это журавлиный клин,
полетел за горизонт семейный клан...
Выйдут сроки и останусь я один –
и тогда сооружу аэроплан.

4. ПОСЛЕДНЕЕ ЛЕТО

Надо мною тучи низко,
от меня до молний близко,
но не страшно — хорошо...
Был безгрешен я и молод
и бродил по книжке «Город»,
недописанный еще.

Это было лето ливней.
И не будет лет счастливей.
Полунаг, как полупьян,
по оставленным народом
улочкам — я шел по водам,
не смущая поселян.

Впереди светила слава,
позади друзей орава —
дюжина без одного —
на полшага поотстали...
А как ливни отблестали,
обернулся: никого.

Заплутались ли? свернули?
в грозовую высь рванули?
Но причины неважны,
коль вокруг другие лица
и устали строчки литься
летним ливнем с вышины.

5. НОСТАЛЬГИЯ ПО СЕМИДЕСЯТЫМ

Хорошо, что стоял магазин на углу
и давали в нем молоко и сметану,
иногда колбасу и всегда камбалу
и сироп из братского Азербайджана.

А из братской Молдавии — каберне
в магазине волшебном не переводилось.
И того доставало тебе и мне,
и гостям в дому, и погода длилась,

если осень — осенняя (был балкон,
доцветая, краснела под ним осина),
а зимою — зимняя (из окон
подвывала метель, не хватало камина,

но зато получалось свечу зажечь —
мол, мело-мело, и по всем пределам) ...
Лишь весной в дне открывалась течь
и душа просилась расстаться с телом.

А потом, как положено, летний зной
залеплял все щели (а речка рядом
и сужали лодку). Но между мной

и тобой зазор открывался взглядом.

И еще удивляло, что день ото дня
ничего не менялось и все подменялось.
И настало время, в котором меня
и тебя больше не было, не осталось.

Вместе с нами исчезли границы меж
временами года, сироп в магазине...
Разливался только, сладим и свеж,
запах тления в нашем с тобой камине.

6. СТОЯНИЕ В ОЧЕРЕДЯХ

Стояние в очередях
не столь способствует мышлению,
скорее семечек луценью
и мутной мудрости в очах

Стояние в очередях
ведет к такому разговору,
который вспыхивает скоро
и увязает в мелочах.

И снова – лишь один заках –
другой подобный возникает.
Такой порядок вызывает
стояние в очередях.

Рассказ – сочувственное «ах!»,
лихая шутка, злая ссора...
Моя пожизненная школа –
стояние в очередях.

Не различить издалека
очердей предназначенье...
Как терпеливо их теченье –
как среднерусская река!

7. МАТРЕШКИ

А муж-то где? – А муж давно уехал
да где-то умер, – говорит она...

И от его раскатистого смеха
теперь осталась в доме тишина.
Осталась дочь и тоже замуж вышла,
в замужестве ребенка родила.
И у нее случайно как-то вышло,
что муж ушел, она не догнала..,

И постарела, и на мать похожей
мгновенно стала. Трудно разобрать
случайно повстречавшимся прохожим,
что эти две подруги – дочь и мать.

И без мужей они живут неплохо.
Заботливо. Они – как две сестры.
Над ними и вокруг гудит эпоха.
Ее гудки тревожны и густы.

А женщины живут и понемножку
растят девчонку, подпирают мир...
А ты твердишь: «Подумаешь, матрешки!
Довольно заурядный сувенир».

8. БАЛЛАДА О ХОЗЯЙКАХ

Вот так они и проживут,
в заботах судьбы коротая,
считая нравственностью труд,
и нравственность трудом считая.

И не узнают никогда,
чем отличались от соседей,
куда среди судьбы оседлой
спешили — не понять куда,

и на какой такой земле,
и при какой такой эпохе
сметали разговоров крохи,
оставшиеся на столе.

Всё ожидали невпопад,
что жертвенные их заботы
еще кого-то устыдят
и поразят еще кого-то...

9. ОДА ЖЕНЩИНАМ

Женщины-учителя,
ваши мощные тела
говорят, что мир трехмерен,
прокуроры и врачи,
вы явились нас учить
назиданьем и примером.

Бригадмилыцы в городах,
проводницы в проводах,
в дантовых кругах дантистки,
без глагольных ваших слов
нам не сделать двух шагов,
критикессы и штангистки!

Сколько вас среди мужчин –
трактористов и старшин,
офицеров, генералов!
Это вы за строем строй
укрепляете собой
становой хребет Урала.

Не ткачихи, повари-
хи, не Бабы-бабари-
хи - хи-хи здесь не уместно! –
тещи, матери и же-
ны, покажете ужю
нам положенное место!..

Во вселенском ОТК,
засекреченном пока,
на счету вы и в почете.
Всех научите, как жить,
непонятливым – сложить
руки на груди придете.

10. ВОТ И ЖИТЬ БЫ

Вот и жить бы в этом мире,
не видать ни гор, ни моря,
с временами года в мире,
с их непостоянством в ссоре.

И не привыкать к другому! –
только к улочке той самой.
Знать одну дорогу – к дому,
кочку каждую и яму.

Знать одних людей – с рожденья
до мельчайших происшествий.
И совместные решенья
принимать все время вместе.

Или даже стать изгоем
среди них – но среди них же!..
Наблюдать за дальним полем:
как, не стало ли поближе?..

Вот и жить бы в мире этом,
где лежачий камень мокнет,
ну а жизнь, как речка летом,
пожурчит и пересохнет...

11. ДВОЕШНИКИ

Двоешники, ставшие дельцами,
школьной неподвластные программе,
наши завалившие дела, –
как вы закусили удила!

Как смогли без разговоров лишних
круглых наших увести отличниц
в кабинет, отделанный сукном,
с длинным полированным столом?

И теперь решаете годами,

что вам делать с нами, мозгляками,
в тех — от чтенья лишнего — очках,
с барабанной палочкой в руках.

12. КРАЙНИЙ

В авоськах у него
все, что для жизни надо,
не скрыто ничего —
от опытного взгляда.
Нельзя пересказать —
нести не можно — должно.
А на лицо печать
исполненного долга.
Тот долг перед собой,
перед детьми к тому же,
повинности любой
не лучше и не хуже.
Пусть все и сверх того
получит он в избытке!..
Не смял бы никого
в гражданской этой битве
за то, что по усам
текло, чтоб в рот попало...
Я встал бы рядом сам... —
цена всегда пугала.

13. ДОЛГОЛЕТНИЙ ПРОХОЖИЙ

Ты Москве — долголетний прохожий,
лишь себе — несмотря на усталость —
тот, кого замечаешь опять.
Как на всех, на тебе эта кожа —
где-то сморщилась, где-то помялась —
хорошо бы ее поменять.

Но швыряться и тут не годится,
зарабатывать надо на это
столько лет, что едва доскрипишь.
Глянь-ка в зеркало — нечем гордиться.
Разве мальчик в Останкине летом!..
И все та же Москва — не Париж.

Хоть тебе-то еще пофартило
с высоты городских телебашен
поглазеть на нездешний восход...
Все, что было, — прекрасно, что было.
Каждый миг настоящего — страшен.
Станет чудным, как только пройдет.

14. ПЕСОЧНЫЕ ЧАСЫ

Сын в песочнице башню строит,
золотого песка все меньше
на стеклянном моем этаже.

И того окликать не стоит
голосами детей и женщин,
кто с уходом свыкся уже.

Ах, в смиреньи корысти больше,
чем в упрямстве – не страсть, не боль же
до скончанья превозмогать! –

лишь привычки, воспоминанья,
чувство долга, чувство призванья,
чувства, чу... Их всего-то пять.

Как течет золотой песочек!
Оседает в лоханках почек.
Растворяется в желчи моей.

Все равно течет-утекает,
за собой меня увлекает
все настойчивей, веселей.

И ни ропота, ни боязни
в эти годы предсмертной казни –
только изредка грусть-тоска.

Да и та глуха и рутинна.
Хоть всего-то на два аршина
под ногами живого песка.

15. Я НЕНАДОЛГО РАССТАЮСЬ

Я ненадолго расстаюсь
с моей любимой. Это значит:
она совсем напрасно плачет –
как прежде, крепок наш союз.
Я ненадолго – десять дней.
Она рукою машет долго.
Так долго – что веленье долга
уже давно бы смолкло в ней.

Нам жить – как всем. И всех разлук
десятка три или четыре
дано и нам, как всем вокруг,
на жизнь. Как на пристрелку в тире.
И потому что было сил
смотрю ей вслед, не отрываясь,
туда, где жест ее застыл,
где взгляд ее... И отвлекаюсь
на пустяки. На этот мир.

16. СЖЁГ ЕДИНСТВЕННЫЙ УГОЛ

Сжёг единственный угол,
где все же приткнуться мог.
Узел, связанный туго,
по улицам поволок.

Тяжело, неудобно.
Но только не в этом суть –
что ж ты смотришь недобро
на мой многопутный путь?

Я б и рад без поклажи:
красивее налегке
подбежать к тебе — даже
еще и с цветком в руке.

Только купленных новых
игрушек – так жалко мне! –
и твоих стопудовых
безделушек – на самом дне.

17. МОТЫЛЕК

Все бегаешь еще мальчишкой
пятидесяти лет
с газетным сверточком под мышкой
да в курточку одет.

А над тобой – все шире, шире –
спускаются с небес
такие вечера большие,
что сам почти исчез.

Но меньше, меньше год от года
ты замечаешь их.
Ну, выдохнешь во тьму: природа! –
и на своих двоих,

залетный!.. Ну, порассуждаешь
или гульнешь с дружкой.
И вновь на огонек летаешь
в окошечке своем.

18. ГОРОД МОЙ

Дымы над городом моим,
которым не был я любим,
в котором
терялась нить судьбы моей
и находилась все трудней
под строгим взором.

Здесь было жить почти нельзя —
когда б не детство, не друзья,
а вечерами –
когда бы не был я влюблен
да не пылал бы небосклон
между домами.

Мне этот город был окном,

и зеркалом, и полотном,
и кистью тоже.
Мне этот город был отцом,
но не подозревал о том,
что сын я все же.

Нет, я обиды не коплю,
я и сейчас его люблю,
ему обязан.
Смотрите: тучами над ним
дым заводской, фабричный дым –
вот чем он с небом связан!

19. Я ВИНОВАТ

Я виноват перед отцом и сыном,
и перед другом. Трижды виноват.
За то, что был удачливым – не сильным,
прости меня, как брат.

Ты заплутал в тех дебрях и проулках,
которых даже не заметил я,
и в четырех стенах созвучий гулких,
где Бог тебе судья.

А я забылся с этой жизнью потной,
в юбчонке, перепачканной землей,
и все-таки желанной, не животной,
по запаху – людской.

И все-таки такой, что вместе с нею
хоть годик да пожить,
и лишь потом, слабея и коснея,
высокому служить.

20. САМ СЕБЕ

И я не спал ночами, глядя
во тьму, – переживал за дядю,
ведь он не в шутку занемог.

И ту, что за вязаньем пела, –
я молодец, она старела –
спасти поклялся точно в срок.

Я вечным был, а стал обычным,
к непримиримому привычным –
что мне за дело до других!

И вот уж – милосердный Боже! –
и сам себе я не дороже
ушедших и еще живых.

21. МОЛИТВА

Веришь ли, я пришел к Тебе?

Видишь, совсем как шелковый,
теперь я пришел к Тебе,
Знаю, назад не надо бы,
знаю, соблазны-пагубы
в подсудной моей судьбе.

Боже мой, как корыстен я!
Да и с Тобой расхристанно,
не пристально говорю.
И ко Скорбящих Радости
чаще в грязи и пакости
рыдаю мольбу свою.

Стал ли я хуже прежнего?
Ты укажи мне вежливо,
который мой грех тяжел.
Все же оставил щелку бы –
видишь, совсем как шелковый,
Господи, я пришел.

22. НОЧЬ

Но вот – холодная луна
Да снег, летящий прочь.
А в окнах – вода темна –
стоит, колеблясь, ночь.

Уже не буду близок я
ни с кем, кто близок мне,
но чья дорога, близость чья
остались в стороне.

Напрасно думаю о них,
как о награде той,
что ждет меня в годах моих,
что б ни было со мной.

Там – я не встречу их уже,
А если встречу вдруг,
уйдут, оставив свет в душе,
метель и ночь — вокруг.

23. СЛУШАЙТЕ МЕНЯ

...Ну ладно, слушайте меня.
Я отхлебнул того огня,
обжегся у криницы,
в которой чистая вода,
и мне хотя бы иногда
от памяти не спится...

Всему трехмерному дивясь,
я появился среди вас,
низвергнувших кумира,
поверивших – низвергли зло –

ура!.. Но вновь свое крыло
волочит голубь мира.

Когда пришел я, мир блистал
и ветерок листву листал!
А рядом, за забором,
учили на учителей
девчонок с веслами, парней
румяных и с задором.

Я знаю это торжество,
когда, не помня своего,
за общее радеешь.
И не поверю никогда,
что вдруг обрушится беда,
которой не поделишь.

И, помня – вот моя судьба,
я не всегда берег себя
от лишних впечатлений.
И я пришел сюда – отнюдь
не для того, чтобы уснуть
совсем без сновидений.

24. САМ С СОБОЙ

Сидит человек сам с собой
и ест он и пьет сам с собой,
хоть он недоволен собой –
и старый, и злой, и больной.

Но некуда деться ему –
как в детстве проснуться во тьму.
И лишь остается ему
пристрастие к себе самому.

И все он прощает себе,
живет-поживает себе,
и к дующей в окна трубе
относится как к судьбе.

А к тем распростертым крылам
никак не относится сам:
дожить бы до смерти — а там
прорвемся с грехом пополам.

25. ВОТ И ЕЩЕ ОДИН

Никто меня не убивал,
не втискивал мой овал
в пятый угол страны –
что же вы мне должны?

Спрашивается, почему
все, о чем промышчу,

скромным предаю словам,
скармливаю вам.

На родине недород?
Нечего сладко есть?..
И дело мое – не мед,
о ненасущном весть.

Не закрывайте вежд,
наставники-учителя!
Опасливых ваших надежд
не оправдаю я.

Пусть до бессильных седин
мой вид утешает вас:
вот и еще один
ни душу, ни мир не спас.

26. НЕ УМРЁМ

Синий, белый, голубой,
небо, облако, собор,
и гроза должна начаться.
Где-то здесь над головой –
мир, смирившийся с тобой.
И, наверно, это счастье.

Как положено живым,
ходим, бродим, говорим,
чтобы жизнь не пропадала,
чтобы сходство ощутить,
чтоб себя не пощадить —
мало ли!.. Но мало, мало,

мало – жилка на виске
бьется. Строим на песке.
На песке, как дети, строим...
Где-то здесь над головой –
синий, белый... Боже мой!
Только взглядами затронем.

Как положено живым,
в этом пламени сгорим,
в этом пламени высоком,
растворимся в неземном,
потому и не умрем –
улыбнемся за порогом.